
Вера Сопрано
МЕСТЬ
в белом платье

Вера Сопрано

Месть в белом платье. Свадьба бывшего отменяется

«Автор»
2026

Сопрано В.

Месть в белом платье. Свадьба бывшего отменяется / В. Сопрано — «Автор», 2026

Сати, знакомься, это лучший организатор в городе. Мы с Роксаной старые знакомые.Два года назад Рафаэль ушёл за неделю до нашей свадьбы. Забрал деньги, отложенные на торжество, и оставил мне кредит на миллион пятьдесят тысяч.Теперь он заказывает свадьбу у меня в агентстве, под руку с невестой. Сати смеётся и говорит, что это судьба.Гонорар спасает агентство, и я беру заказ. План простой: безупречная свадьба и правда о Рафаэле, которая вернёт мне деньги. Но правда оказывается хуже мести: другая женщина, долги и Сати, которая ни в чём не виновата.Мне мешает Азамат, брат невесты. Он подозревает всех, меня в первую очередь. Сам он не верит жениху, и это единственное, в чём мы сходимся.Месть или правда для Сати? Выбор придётся сделать у арки, при гостях, в белом платье организатора.Брат невесты до сих пор считает меня мстительницей. Что он сделает, когда узнает, что я была права?При подготовке книги использовалась нейросеть.

© Сопрано В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мы с Роксаной… старые знакомые 5
Глава 2. Пункт семь точка четыре 10
Глава 3. Серьга с бирюзой 15
Глава 4. Я не верю в совпадения 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Вера Сопрано
Месть в белом платье. Свадьба бывшего отменяется

Глава 1. Мы с Роксаной… старые знакомые

– Сати, знакомься, это лучший организатор в городе. Мы с Роксаной… старые знакомые.

Колокольчик на двери нашей веранды ещё дореволюционный, и Ануш вечно грозится его снять, но сегодня я впервые рада, что он звякнул так громко: за этот звон можно спрятаться, пока лицо решает, что ему делать. Я стою над образцами скатертей, цвета топлёного молока и цвета слоновой кости, с рулеткой на запястье, и вижу мужчину в дверях. Это Рафаэль Ахвердов, мой жених, который два года назад исчез за неделю до нашей свадьбы вместе с деньгами из коробки, где мы их хранили, а сейчас держит за руку смеющуюся девушку с кудрями и глиной под ногтями и глядит на меня так, будто мы встретились на чужом юбилее.

Меня зовут Роксана Белецкая, мне двадцать девять, и «Белая веранда» это я: застеклённая веранда старой дачи «Кронберг» у Курортного парка, скрипучий паркет, лестница с чугунными перилами и аренда, которую хозяин с ноября поднимает до ста пятидесяти тысяч. Я организую чужие свадьбы. Свою я организовала тоже, до последнего букета, и в субботу двадцать четвёртого августа две тысячи двадцать четвёртого года просидела в платье у окна до темноты, потому что платье было готово, а жених нет.

Мы познакомились в октябре двадцать первого года на чужой свадьбе: я работала там координатором, бегала с рацией между кухней и залом, а он вёл вечер и в самый напряжённый момент, когда у фотографа сломалась вспышка, а у жениха пропало кольцо, вышел к микрофону и за две минуты превратил катастрофу в лучший номер программы. Я стояла за колонной и думала, что так обращаться с людьми умеет либо святой, либо мошенник. В мае двадцать второго он переехал ко мне на Красноармейскую с одним чемоданом и колонкой, а тридцать первого декабря двадцать третьего встал на одно колено на моём балконе, и мы встретили Новый год под липами, в снегу, с шампанским в чайных чашках.

– Ой, правда? – Девушка смеётся громко, на всю веранду, и протягивает мне руку. – Слушай, это же судьба! Я Сати, мы с Рафаэлем просто с ума сходим, у нас свадьба третьего октября, а нам на прошлой неделе организатор отказал. Представляете, ушёл! Хорошо, что я нашла вас по фотографиям в сети.

– Гхм, – говорит Ануш у меня за спиной и роняет леденец.

Леденец катится по паркету, и Ануш, которая жуёт мятные леденцы с девяти утра до девяти вечера, наклоняется за ним с таким лицом, словно ей сейчас важнее всего на свете поймать его до плинтуса. Я знаю это лицо. Это лицо человека, который изо всех сил не кричит.

– Судьба, – соглашаюсь я и пожимаю тёплую ладонь. Рука у неё сухая, крепкая, пахнет немного глиной и немного мятой. – Проходите, у нас как раз остыл чайник. Ануш-джан, поставь новый, пожалуйста.

– Поставлю, – отвечает Ануш из-под стола голосом, в котором слышно всё, что она думает о Рафаэле, о судьбе и о чайниках.

Рафаэль проходит к столу легко, как ходит по любой сцене, и садится в плетёное кресло так, чтобы свет из окна падал на его лицо. Те же ямочки, те же белые зубы, тот же перстень на мизинце, который он сразу начинает крутить. Взгляд сам цепляется за этот перстень, и я думаю, что за два года научилась считать до десяти, не двигая губами.

– Ксана, ты всё так же в чёрном по пятницам, – говорит он тем бархатным голосом, которым когда-то обещал мне, что всё будет хорошо. – Сати, у неё чутьё на пары, поверь, она про людей понимает с первого взгляда.

– Сегодня вторник, – замечаю я, и Сати снова хохочет, а я раскладываю перед ней три образца скатертей и спрашиваю, какая из них больше похожа на её представление о празднике. Руки у меня, к счастью, всё делают сами: двигают, выравнивают, разглаживают льняной край. На работе они вообще умнее меня.

Сати перебирает ткань и рассказывает, не останавливаясь, как люди, которым в жизни пока нигде не отказывали. Свадьба третьего октября, триста гостей, регистрация на верхней террасе «Нарзанной рощи», а потом банкет в Зеркальном зале. Дату выбрала бабушка, Залина Бечировна, и от этой даты не отступит, даже если пойдёт снег. Прежний организатор, из Пятигорска, поссорился с бабушкой из-за рассадки, хлопнул дверью двадцатого августа и теперь не берёт трубку.

– Мы просидели над этой рассадкой три вечера, – вздыхает Сати и вытирает ладонью лоб, потому что на веранде уже душно, а кондиционер у нас, как и колокольчик, умеет только звенеть. – Бабушка хочет, чтобы всех посадили по возрасту и по заслугам, а папа хочет, чтобы по заслугам перед ним. В итоге посадили друг напротив друга двух двоюродных дядь, которые не разговаривают с девяносто восьмого года. Ой, всё, я не могу это больше слышать! Помогите нам, пожалуйста. Мой брат сказал, что другого такого организатора в регионе нет, он всё проверил, он вообще всё проверяет.

– Брат у вас строгий? – спрашиваю я, потому что так спрашивают организаторы, а не потому, что мне интересно.

– Он ужасный, – с гордостью говорит Сати. – Но справедливый. Рафаэль его боится, правда, зай?

– Я его уважаю, солнце, – поправляет Рафаэль, и перстень на его мизинце делает полный оборот.

– А предложение он сделал мне в июне, двенадцатого, представляете? – Сати показывает мне кольцо, и я слышу, как за спиной у Ануш тихо хрустит леденец. – Привёз меня в мою мастерскую, а там на гончарном круге лежит бархатная коробочка. Ох, как я орала на весь двор, соседи прибежали!

– Красивое кольцо, – говорю я, потому что другого ответа у меня для этого кольца нет. – Камень чистый, оправа аккуратная. Рафаэль, у тебя хороший вкус.

– Вкус у меня всегда был хороший, солнце, – отвечает он невозмутимо и целует Сати в макушку.

Мне не следовало бы это замечать, но я замечаю. Он всегда крутил его, когда врал: я выучила это за три года и ни разу не использовала.

Мы идём на второй круг: сроки, меню, концепция, «хочется чего-то воздушного, но не как у всех». Я записываю, задаю вопросы про гостей и про бюджет, и профессиональное лицо держится на мне, как хорошо пошитое платье, которое не врезается и не жмёт. Когда Сати называет двенадцать миллионов, Ануш наконец вылезает из-под стола, выпрямляется и проглатывает леденец целиком.

– Мой гонорар за такой заказ и за такой срок, – говорю я и сама слышу, как ровно звучит голос, – один миллион двести тысяч. Шестьсот предоплатой, шестьсот после свадьбы. Это выше моего обычного, и я не собираюсь это скрывать: пять недель вместо полугода, триста человек и бабушка с твёрдыми взглядами на рассадку.

Я перевожу взгляд на Рафаэля, не на неё. Мне интересно, что он сделает.

Он ничего не делает. Он откидывается на спинку кресла и закидывает ногу на ногу, с видом человека, которому всё всегда сходило с рук.

– Отлично, – говорит Сати, даже не поморщившись. – Договор пришлите, папа всё подпишет. Ну, или брат. Он вообще правит всё, что ему присылают, даже меню в кафе.

– Я возьму сутки подумать, – отвечаю я. – Это быстрый срок, и мне нужно посмотреть, как разложить свою команду.

– Да конечно! Слушайте, вы потрясающая, – Сати встаёт и вдруг обнимает меня, быстро и крепко, как обнимают сестёр, и я стою с поднятыми руками и не знаю, куда их девать. – Всё, мы побежали, мне в «Нарзанку» к двенадцати, брат ждёт. Рафаэль, я в машине!

Колокольчик звякает за ней, и я слышу, как на крыльце хлопает дверь белого «Мини». Рафаэль не двигается с места. Он ждёт, пока она отойдёт, потом встаёт, подходит ко мне на два шага ближе, чем нужно, и понижает голос так, как понижает его в микрофон перед самой трогательной частью.

– Ксана, ну ты же не будешь…

– Роксана Альбертовна, – говорю я. – И я подумаю.

– Не делай глупостей, ладно? Я правда не знал, что она пойдёт именно к тебе. Это судьба, а не… – Он делает паузу, ту самую, сценическую, которая должна меня растрогать. – Мне нужна эта свадьба. Просто поверь мне один раз.

Он смотрит мне в лицо, и я вижу, что ему действительно нужна свадьба, и вижу, что он действительно боится, и ни то ни другое не вызывает у меня жалости. Ох, как же я долго ждала, что вызовет. Лицо само складывается в нужное выражение: широкое, ровное, с лёгким наклоном головы.

– Рафаэль, если ты ещё раз назовёшь меня Ксаной в моём агентстве, я выставлю тебе счёт отдельной строкой, – говорю я и улыбаюсь так, как улыбаюсь самым трудным свекровям. – Проходи аккуратно, там порожек.

Он открывает рот, закрывает, и перстень вертится у него на пальце как заведённый. Потом он уходит, и колокольчик звякает ему вслед.

***

– Ты с ума сошла! – Ануш влетает на кухню агентства следом за мной и захлопывает дверь так, что на полке подпрыгивают чашки. – Рокс, ты слышала, что я сказала? Ты слышала, что я хочу сказать? Нет, ты вообще меня слышишь?

– Слышу, – отвечаю я и достаю из ящика калькулятор. – Давай по порядку: говори, а я считаю.

– Он вошёл сюда под ручку с невестой! С невестой, Рокс! Он забрал у тебя всё, а потом вошёл в твой дом, сел в твоё кресло и сказал «старые знакомые»! Старые! Я бы его этим креслом! – Ануш размахивает руками, и мятные леденцы сыплются из кармана на пол, как градины. – Откажись. Скажи ей, что занята. Скажи, что у тебя ремонт, потоп, замужество, что угодно. Я пойду и сама скажу.

– Не пойдёшь, – говорю я и нажимаю на кнопки. – Сто десять тысяч аренды в этом месяце, сто пятьдесят с ноября. Плюс Вартан, плюс Рубен, плюс свет, плюс налоги. У нас на счёте семьдесят тысяч, одна свадьба в сентябре на двадцать человек и ни одного крупного заказа до весны. Шестьсот предоплаты закрывают аренду на полгода вперёд.

– Деньги не пахнут, да? – Ануш садится на табурет и роняет голову в ладони. – Рокс, я тебя люблю, но ты же человек, а не калькулятор.

– Нет, сейчас я как раз калькулятор. Человек будет вечером. – Я поворачиваю экран к ней, и она вглядывается в ряд цифр, который ничем не отличается от других рядов цифр, кроме последней строки. – Если я откажусь, он решит, что я не могу находиться с ним в одной комнате. Если соглашусь и сделаю безупречно, то он увидит, что могу.

– А что потом? – тихо спрашивает она.

– Не знаю, Ануш. Правда не знаю. – Я присаживаюсь рядом, и она, не поднимая головы, находит мою руку и сжимает. Ладонь у неё в мятных крошках, липкая, тёплая, моя любимая

на свете ладонь. – Мне просто очень нужно, чтобы кто-нибудь из нас сегодня не плакал на работе. Давай это буду не я.

– Договорились, – вздыхает Ануш и вытирает нос рукавом. – Но если он ещё раз скажет «Ксана», я его убью чайником.

– Только после предоплаты.

Она фыркает, потом смеётся, потом мы обе смеёмся, как смеются люди после похорон, когда уже можно.

***

Дома я первым делом снимаю туфли и долго стою в прихожей, прислонившись затылком к холодной стене. В квартире на Красноармейской тихо, как бывает только в сталинках с высокими потолками: слышно, как капает кран и как внизу кто-то двигает стул. Балкон выходит на липы, и сейчас они стоят неподвижно, будто тоже от жары устали. Я наливаю воды, пью, не чувствуя вкуса, потом открываю шкаф в спальне и снимаю с верхней полки белую коробку из-под свадебных туфель.

Атласная лента на ней выцвела по краю. Внутри нет ни платья, ни туфель, ни денег. Лежит скреплённый скрепкой график платежей, двадцать четыре строчки по двадцать девять тысяч семьсот, и каждая строчка вычеркнута зелёной ручкой. Последняя вычеркнута в июне. Под графиком лежит листок с распечатанным сообщением, которое пришло мне в двадцать три сорок семнадцатого августа две тысячи двадцать четвёртого года: «Ксана, прости. Деньги верну, когда встану на ноги. Не ищи».

Я читаю это в сто первый раз, и вот теперь, спустя два года, наконец плачу. Первый раз за всё время, надо же, а я думала, что не умею. Ни на допросе в отделении, ни когда мама звонила из Анапы и говорила «Роксаночка, держись», ни когда выплачивала первый взнос. Слёзы идут не красиво и не тихо, а так, что приходится сесть на пол и обхватить колени, а в носу хлюпает, как у ребёнка.

Мне жалко не его. Мне жалко себя двадцатисемилетнюю, которая раскладывала в этой самой комнате салфетки на двести гостей и выбирала между «пудровым» и «молочным» цветом. Которая пришла домой с чужой свадьбы, где работала до одиннадцати вечера, и увидела пустой шкаф с одной его рубашкой на плечиках, как будто он оставил её специально, на память. Я ведь считалась профессионалом. Я читаю чужие пары с первого взгляда, по тому, как женщина поправляет мужчине ворот, а он ей не мешает. Как же я не прочитала собственную?

Когда слёзы кончаются, я встаю, иду в ванную, умываюсь холодной водой и долго смотрю на себя в зеркало: тёмная коса растрепалась, нос красный, над губой родинка, которую Рафаэль называл «мушкой». Ничего, думаю я. Лицо поправимо. С лицом я работаю каждый день.

Телефон звонит, пока я вытираю лицо полотенцем, и на экране высвечивается «Мама». Анисья Юрьевна живёт в Анапе с две тысячи девятнадцатого года, у неё второй муж, море в двух кварталах и привычка звонить именно тогда, когда у меня нет сил притворяться бодрой.

– Роксаночка, ты почему такая сиплая? – спрашивает она вместо приветствия. – Ты ела сегодня? Я вот сварила борщ, и подумала про тебя, и поняла, что ты опять питаешься чаем с печеньем.

– Мам, я ела, честное слово. У меня сегодня был хороший день, представляешь? Возможный крупный заказ, свадьба на триста человек. – Я прижимаю трубку плечом и сама слышу, как фальшиво звучит эта бодрость. – Ох, ну не волнуйся, пожалуйста. Просто жарко, я устала.

– Свадьба на триста, надо же. Ну, дай Бог. Только не надрывайся, слышишь? Ты у меня одна. – Она вздыхает, и я слышу, как на том конце стучит ложка о тарелку. – Приезжай в октябре, поплаваем. Море тёплое, как парное молоко.

– Приеду, мам, – обещаю я, хотя знаю, что в октябре у меня не будет ни одного свободного дня. – Целую. Иди есть свой борщ.

Потом сажусь на кухне, открываю ноутбук и пишу на листке три колонки. В первой «за»: гонорар, спасённая аренда, шесть недель работы на репутацию. Во второй «против»: я буду видеть его каждую неделю. В третьей остаётся пусто, потому что мне некуда писать то, что на самом деле хочется написать.

Телефон вспыхивает сообщением от Сати: «Роксана, вы уже решили? Мама сказала, что наконец-то выдохнула, ха-ха! Брат пока ничего не знает, но он всё проверит, он такой». Меня цепляет «он всё проверит», и я почему-то представляю себе строгого немолодого дядьку в очках, который читает договоры с лупой. Потом перевожу взгляд на коробку, на вычеркнутые строчки, на атласную ленту, и всё в этой комнате вдруг становится очень ясным и очень тихим.

Я возьму этот заказ. Не потому, что мне нужны деньги, хотя они нужны. Не потому, что мне любопытно, что за жизнь у человека, который сделал со мной такое и всё равно улыбается. А потому, что я двадцать четыре месяца молчала и платила, и не получила ни одного извинения, кроме строчки в телефоне, и теперь он сам пришёл ко мне в дом.

Я набираю: «Сати, я согласна. Договор пришлю завтра». Нажимаю «отправить» и, не успев передумать, выключаю звук.

Я сделаю тебе идеальную свадьбу, Рафаэль. А потом выставлю счёт.

Глава 2. Пункт семь точка четыре

В кабинете на третьем этаже «Нарзанной рощи» пахнет кофе и старой бумагой, и у окна, спиной ко мне, стоит высокий мужчина и правит мой договор перьевой ручкой.

Я поднимаюсь по широкой лестнице санатория с папкой под мышкой и в туфлях на каблуке, который выбирала так, чтобы не стучал, но на мраморных ступенях он всё равно отзывается эхом. Секретарь в приёмной кивает на приоткрытую дверь и вежливо отводит глаза, как отводят их перед врачебным осмотром. Я стучу и вхожу, а мужчина не оборачивается. Он делает пометку на полях, перелистывает страницу, делает ещё одну, и только потом поворачивается: седая прядь у виска, тёмно-синяя ручка в нагрудном кармане, лицо человека, который привык, что опаздывают именно к нему.

– Роксана Альбертовна, я Азамат Тамаев, брат Сати, – говорит он ровным голосом и кладёт ручку на подставку параллельно краю стола. – Я прочитал ваш договор и хотел бы обсудить его с вами, потому что в нём есть несколько мест, которые меня, мм, скорее удивили, чем убедили. Присаживайтесь, пожалуйста, кофе вам сейчас принесут.

– Благодарю, у меня есть вода, – отвечаю я и сажусь на стул, который стоит ровно в двух метрах от его стола. Не слишком близко, не слишком далеко: так расставляют стулья, когда хотят, чтобы человек понимал, кто здесь хозяин. – Я рада, что вы так внимательно читаете. Обычно заказчики подписывают, не заглядывая дальше суммы.

– Я не обычный заказчик, и сумма меня интересует в последнюю очередь, – он придвигает ко мне экземпляр, исчерканный синими стрелками. – Начнём с первого раздела. Вы пишете «организатор вправе привлекать подрядчиков по своему усмотрению». Мне хотелось бы, чтобы список подрядчиков мы согласовывали заранее, поскольку на территории санатория будут работать люди, которых нам придётся пускать в зоны с постояльцами.

Мы идём по пунктам один за другим, и я с удивлением ловлю себя на том, что мне это нравится. Он не придирается ради придирок: каждая его поправка имеет причину, и причина всегда разумна. Я отстаиваю три абзаца, уступаю в двух, и когда мы доходим до оплаты, я твёрдо говорю, что предоплата в шестьсот тысяч должна прийти не позднее пятницы, а остаток через неделю после мероприятия, а не через месяц, как он вписал.

– Месяц это стандарт для наших подрядчиков, – замечает Азамат, постукивая колпачком по краю бумаги.

– А у меня в штате пять человек и аренда, и я не могу кредитовать ваш санаторий за свой счёт. Ох, простите, это прозвучало резче, чем я хотела, – говорю я, хотя на самом деле хотела именно так.

Несколько секунд он молчит, разглядывая меня, и в уголке его рта что-то едва заметно двигается.

– Неделя, – произносит он наконец. – Я не возражаю против недели, потому что вы объяснили причину, а не просто назвали срок. Это редкость.

Дальше мы по очереди разбираем приложения: список подрядчиков, схему размещения гостей, порядок доступа на территорию. Азамат просит, чтобы все, кто будет работать на террасе, получили пропуска за три дня до свадьбы, и записывает это в углу листа мелким почерком, похожим на бисер. Я возражаю, что Рубену, например, пропуск нужен уже на этой неделе, потому что он снимает террасу в разное время суток. Он задумывается, потом говорит:

– Хорошо, давайте так: фотографу пропуск на всё время подготовки, остальным за трое суток. Мне важно знать по именам каждого, кто ходит по моему санаторию с кофром, и, поверьте, я говорю это не из подозрительности, а из привычки к порядку. Хотя, гхм, возможно, и из подозрительности тоже.

– Ну, хотя бы честно, – отзываюсь я, и мы оба, к моему неудовольствию, почти улыбаемся.

Я выигрываю срок оплаты. Я проигрываю пункт седьмой точка четыре.

Он дописывает его от руки, на отдельном листке, потом распечатывает аккуратным шрифтом: конфиденциальность всех сведений о семье и подготовке, а в случае срыва мероприятия по вине организатора неустойка в размере полной стоимости услуг. Я читаю дважды, чувствуя, как холодеет спина.

– Один миллион двести тысяч, – говорю я. – Вы хотите, чтобы я за срыв заплатила вам весь гонорар?

– Я хочу, чтобы вы были заинтересованы в том, чтобы свадьба состоялась, – отвечает он спокойно и откидывается на спинку кресла. – Я не сомневаюсь в вашей квалификации, Роксана Альбертовна, я сомневаюсь в том, что люди берутся за свадьбу за пять недель без особой причины, и мне хотелось бы понять вашу.

Вот оно. Я слышу, как в соседней комнате кто-то роняет папку, слышу собственный пульс и, как ни странно, слышу, как ровно звучит мой голос.

– Причина простая, Азамат Ацамазович. У меня агентство, которому нужны деньги, а у вас свадьба, которой нужен организатор. Совпали спрос и предложение. Если вам нужна история подинтереснее, могу придумать.

– Не нужно, – говорит он, и я вдруг понимаю, что это второй раз за разговор, когда он ответил мне двумя словами. Он тоже это замечает и добавляет: – Меня вполне устроит простая. Просто я привык проверять простое тщательнее сложного, потому что сложное обычно врёт сразу.

Я подписываю пункт 7.4, потому что у меня нет выбора, и чувствую, как перо чужой ручки, которую он мне любезно протянул, оставляет на бумаге ровный синий след.

В дверь стучат, и в кабинет входит крупный мужчина с седыми густыми бровями, опираясь на трость с серебряной ручкой. Следом за ним тихо проходит женщина в сером платке на плечах, а у неё в руках планшет, с которого уже доносится сердитый старческий голос.

– Значит, это та самая девочка! – Голос принадлежит маленькой старушке в чёрном, которая глядит на меня с экрана и показывает золотые зубы. – Слышишь, Ацамаз? Молодая совсем. Девочка, ты мне скажи, свадьба будет как у людей?

– Залина Бечировна, добрый день, – говорю я, вставая. – Я сделаю так, чтобы было и как у людей, и красиво. Обещаю.

– Как у людей, – повторяет бабушка. – А не как в этих ваших журналах, где невеста босиком по траве. Моя Сати в туфлях выйдет, слышишь? В туфлях!

– В туфлях, – соглашаюсь я, и Эсмира Измаиловна, мать, тихо улыбается в платок.

– Слушай сюда, дочка, – Ацамаз протягивает мне ладонь, широкую, как лопата, и я чувствую, что рукопожатие у него такое, словно он проверяет, не отвалится ли у меня кисть. – Мы тебя взяли, потому что Сати нашла, а Рафаэль сказал: «Берите, она лучшая». А Рафаэль у нас человек, который врать не будет. Он мой юбилей сделал, шестьдесят лет, триста человек, и ни одной накладки! Я сказал себе: вот зять, о каком мечтал. Рафаэлю я верю как себе.

– Рафаэль очень талантливый человек, – отвечаю я, и слова проходят по горлу, как наждак.

– Вот! Слышишь, Азамат? – Отец оборачивается к сыну и стучит тростью по полу. – Даже девочка говорит! А ты всё хмуришься.

– Я не хмурюсь, отец, – отвечает Азамат так, что в кабинете на секунду делается тише. – Я читаю договор. Кому-то в этой семье надо читать договоры.

Эсмира Измаиловна поднимает на меня глаза, и я вижу в них что-то странное: не подозрение, а вопрос. Она ничего не говорит. Она просто смотрит, чуть дольше, чем принято, а потом поправляет платок на плечах и тихо произносит:

– Роксаночка, вы устали с дороги? Вам чаю принесут.

– Спасибо, Эсмира Измаиловна, я в порядке, – говорю я и подписываю последнюю страницу.

Договор подписан. Азамат складывает листы в папку, ставит её на край стола и сообщает, что бухгалтерия переведёт предоплату завтра. Я прощаюсь с Тамаевыми, с бабушкой на экране, которая напоследок строго напоминает про туфли, и выхожу в коридор. Каблуки теперь стучат так, что слышно на весь этаж, и мне всё равно.

На лестнице меня перехватывает женщина в белом колпаке, с красным от жара лицом и голосом, которым можно командовать полком. Я успеваю прочитать на бейдже «Ашхен Араратовна», прежде чем она хватает меня за локоть.

– Организатор! Вы та самая? Слушайте сюда, у меня в Зеркальном зале триста гостей, а горячее я рассчитала на двести пятьдесят порций, потому что бабушка Залина сказала, что половина гостей всё равно будет сидеть на диете и есть только салат. Вы мне скажите прямо, это правда? – Она сдувает со лба прядь и глядит так, словно от моего ответа зависит судьба банкета.

– Ох, Ашхен Араратовна, – отвечаю я, – если Залина Бечировна говорит про диету, то это, скорее всего, диета для других. Рассчитывайте на триста и ещё двадцать про запас: на свадьбах всегда приходят те, кого никто не приглашал.

– А-а, вот это разговор! – Она хлопает меня по плечу ладонью, тяжёлой, как скалка. – Ну наконец-то хоть один организатор, который не рисует мне картинки, а считает. Приходите в четверг, покажу вам кухню и дам попробовать хинкали. Только не говорите Азамату Ацамазовичу, он считает, что я слишком много пробую сама.

***

На парковке санатория жарко, как в духовке. Моя серая «Солярис» стоит под единственным деревом, и о её капот опирается Рафаэль, в светлом льняном пиджаке, с телефоном в руке. Он, видимо, приехал сюда сразу вслед за мной, и я почти слышу, как он репетировал по дороге.

– Роксана, – произносит он, и я с удивлением отмечаю, что он справился с именем. – Давай без сцен. Ради прошлого. Я понимаю, что ты злишься, я бы на твоём месте тоже злился.

– Убери руки с машины, – говорю я. – Краска на ней и так уже не новая.

Он убирает, поднимает ладони, как человек, у которого ничего нет в карманах, и вдруг улыбается своей лучшей улыбкой, той, что на афишах.

– Ты такая красивая, когда злишься. Потом поговорим, ладно? Про деньги. Про всё. Я не отказываюсь, ты же знаешь. Просто сейчас у меня свадьба, и мне нужно, чтобы она прошла нормально. После свадьбы я всё расскажу, и мы с тобой всё решим.

– После свадьбы, – повторяю я.

– После свадьбы. Слово даю. – Он делает шаг ко мне, и я чувствую знакомый парфюм, терпкий, с табаком. Раньше от этого запаха у меня мягчели колени. Теперь он напоминает мне вкус лекарства. – Ксана, не надо делать из этого трагедию. Сати хорошая, она ни в чём не виновата.

– А я виновата?

– Нет. – Рафаэль на секунду теряет сценическую паузу, и его голос звучит быстро и тонко. – Нет, конечно. Просто не надо ей ничего говорить. Ради неё, ладно? Она нежная.

Он крутит перстень на мизинце, и я слежу за этим перстнем, как следят за стрелкой манометра.

Мне вдруг делается совершенно ясно: он боится. Он не уверен, что я промолчу, и не уверен, что у него хватит денег, чтобы заткнуть мне рот, и не уверен, что его ждёт после октября. Страх у него идёт слоями, как жирные сливки: сверху шарм, под шармом бравада, а на дне что-то серое, чего я раньше не видела.

– Рафаэль, – говорю я, открывая машину, – я профессионал. Я сделаю свою работу. Про остальное мы поговорим, когда я сама решу.

– Это значит да?

– Это значит «до свидания».

Я сажусь за руль, завожу мотор, и в зеркале заднего вида он стоит посреди парковки, всё ещё с поднятой рукой, как человек, которого забыли снять с афиши.

***

К вечеру жара наконец отпускает. Мы с Ануш сидим на балконе моей квартиры, на старых плетёных стульях с подушками, которые достались мне вместе с квартирой от бабушки, и пьём холодный чай с лимоном и мятой, то есть пью я, а Ануш пьёт и параллельно жуёт леденец, что, по-моему, противоречит законам химии. Липы внизу шумят, под ними кто-то выгуливает собаку, и на втором этаже у соседей из окна тянет жареным луком.

– Значит, так, – говорит Ануш и загибает палец. – Договор подписан. Пункт семь точка четыре, который ты, между прочим, подписала с открытыми глазами. Азамат этот, как ты говоришь, «перьевая ручка». Рафаэль на парковке просит «не делать сцен». Что дальше?

– Дальше свадьба, – говорю я и подбираю ноги на стул. – Безупречная. Такая, что Залина Бечировна заплачет от счастья, а Ацамаз Дзамболатович скажет всем, что лучшего организатора не видел. И параллельно я узнаю про Рафаэля всё.

– Всё это что?

– Всё. Откуда у него деньги на «Мерседес», который в кредите. Почему он вдруг сделал предложение дочери владельца трёх санаториев. Где он был все эти два года. С кем. – Я гляжу в сторону лип и вижу не их, а белую коробку на полке. – К концу сентября у меня на него будет столько, что он вернёт мне миллион пятьдесят. Не потому, что захочет, а потому что ему некуда будет деваться.

– Рокс, – осторожно говорит Ануш. – Это не месть. Это шантаж.

– Это возврат.

– Это шантаж с красивым названием!

– Это возврат моих собственных денег, Ануш. – Я произношу это тише, чем хотела, и слышу, как внутри что-то дрожит. – Двадцать четыре платежа по двадцать девять тысяч семьсот. Я их знаю наизусть, как таблицу умножения. Я ничего не придумываю, я просто хочу, чтобы мне вернули моё.

– А если Сати узнает? – Ануш наклоняется вперёд, и в её голосе нет упрёка, только тревога, которую я люблю в ней больше всего. – Она же хорошая. Ты видела, как она тебя обняла? Я думала, меня сейчас стошнит от умиления. А она ничего не знает.

– Она ничего не узнает. Пока.

– Пока, – повторяет Ануш и вздыхает. – Ох, Рокс. Если из этого получится что-то хорошее, я съем свою гарнитуру.

– Ты ею не питаешься, ты её теряешь.

– Вот и посмотрим.

– Слушай, а брат этот какой? – Ануш подкидывает леденец на языке и щурится. – Ты про него одной строчкой: «перьевая ручка». А живой он какой?

– Ох, Ануш. – Я качаю стакан, и лёд звякает о стекло. – Он вежливый так, что хочется кинуть в него папкой. Ни разу не повысил голос, почти ни разу не ответил односложно, каждое слово у него как в нотариальной конторе. Правит запятые в договоре и при этом понимает, что делает.

– Ну-ну. А красивый?

– Откуда я знаю? Я на работе изучала его правки.

– Рокс, я тебя давно знаю. Если ты говоришь «откуда я знаю», значит, знаешь.

– Он высокий, седая прядь у виска, и он ужасно, ужасно высокомерен, – отрезаю я и поспешно допиваю чай. – Всё. Тема закрыта.

– Закрыта, – с готовностью соглашается Ануш и выглядит так, будто выиграла у меня партию в шахматы.

Мы замолкаем и слушаем, как внизу хлопает чья-то дверь, а над парком медленно зажигаются фонари. Телефон на подлокотнике вспыхивает уведомлением от банка, потом от Сати, и я чувствую, как внутри всё делается собранным и острым, будто кто-то включил верхний свет. Я никогда не планировала месть. Я планировала цветы и тайминги. Но у меня, оказывается, неплохо получается и то и другое.

– Ануш, найди мне его день рождения. Хотя нет, не надо. Я его помню.

Глава 3. Серьга с бирюзой

В восемь утра в Курортном парке поливают клумбы, и я стою на верхней террасе «Нарзанной рощи» с рулеткой в одной руке и стаканом кофе в другой, а Рубен ползёт на корточках вдоль балюстрады и диктует цифры в телефон.

– Девять восемьдесят до перил, шефиня. Если поставить арку сюда, – он выпрямляется и показывает бородой на левый край, – то на фото за ней будет видно горы. А если сюда, то туалет санатория, но зато симметрия.

– Туалет в кадре мы переживём только в одном случае, если Залина Бечировна лично попросит, – отвечаю я и отмечаю на плане крестик карандашом. – Арка по центру, у неё за спиной горы. Гостевые ряды разворачиваем веером, а не прямыми линиями: иначе дядя из третьего ряда будет смотреть на затылок дяди из второго и обижаться на судьбу.

– А если дядя из второго ряда окажется тем, с которым он не разговаривает с девяносто восьмого?

– Тогда они сядут по разные стороны прохода. Я вчера уже сказала Ануш, что рассадка это не чаепитие, а дипломатия.

Рубен смеётся, и я смеюсь тоже, потому что утро хорошее: воздух ещё прохладный и пахнет мокрой землёй, внизу над аллеями висит лёгкая дымка, а на террасе так тихо, что слышно, как у соседнего корпуса женщина в халате учит кого-то по телефону печь сырники. Предоплата в шестьсот тысяч пришла в пятницу, ровно в срок, и я до сих пор не могу отделаться от дурацкого чувства, что сумма на счёте мне чем-то обязана. Пока что она обязана только аренде, но это уже немало.

Они приезжают в девять. Сначала по аллее, не торопясь, проходит Сати в джинсах и широкой рубашке, с растрёпанными кудрями и кружкой, которая, похоже, приросла к её руке, а следом за ней двое мужчин с кофрами, девушка с радиомикрофонами и Рафаэль, вышагивающий в чёрных очках по самой середине дорожки. Его шоу-команда. Я знаю, что у него есть команда: он хвастался ею всегда, даже в те годы, когда на всю команду у него были он сам и колонка.

– Доброе утро, Роксана! – Сати машет мне кружкой и расплёскивает половину на плитку. – Ой, всё, блин, прости! Мы тут быстро посмотрим, где что стоять будет. Рафаэль хочет проверить звук, потому что у него во втором отделении шоу, а у меня, представляешь, нет ни одной идеи, чем занять триста человек между регистрацией и банкетом!

– Вы, – говорю я мягко.

– Что?

– Мы пока на «вы», Сати. Я вам напоминаю, потому что вы вчера написали «ты» в чате, а я на работе всё-таки держусь за формальности.

– Ох. – Она хохочет так, что с перил срывается голубь. – Хорошо, хорошо. Простите, Роксана, я вообще-то всех на «ты», даже официантов, а один раз декана назвала «зай». Брат говорит, что мне нужен кто-то, кто будет бить меня по рукам.

– Азамат Ацамазович, судя по всему, и есть этот кто-то, – замечаю я, и Сати прыскает в кружку.

Рафаэль подходит к нам, пожимает руку Рубену, кивает мне чуть слишком по-деловому и сразу переходит на тон человека, которому нужны все и сразу.

– Так, коллеги, давайте по пунктам. Мне понадобится техническая зона слева, под навесом, чтобы солнце не било в аппаратуру. Кабель я протяну сам. И ещё, Роксана, мне нужен отдельный номер для моей команды в «Горном ключе», потому что с вечера пятницы мы там репетируем. Номер, не двухместный, а нормальный, с гримёркой. И одна просьба: рядом с моим, чтобы Гая могла быть под рукой.

– Гая?

– Гаянэ, – из-за колонны выходит высокая женщина с длинной шеей и тёмными волосами, собранными в хвост. – Я танцовщица и соведущая. Здравствуйте.

Я поднимаю глаза, чтобы улыбнуться ей, и на полуслове теряю все свои профессиональные улыбки.

Серьги. У неё в ушах серьги-кольца с бирюзой, тонкие, золотые, с маленьким голубым камнем, который при утреннем свете горит почти зелёным. Одна такая была в июле две тысячи двадцать четвёртого в кармане его куртки, и я нашла её, когда несла куртку в химчистку. Я тогда держала в ладони эту крошечную вещь, холодную и невесомую, и слышала, как из комнаты Рафаэль говорит по телефону: «Да, солнышко, конечно, сейчас». Он вышел, увидел серьгу и, не моргнув глазом, сказал: «О, это клиентка потеряла на банкете, надо вернуть».

Я так и не узнала, вернул ли.

– Очень приятно, Гаянэ, – говорю я, и голос у меня выходит ровный, как скатерть. – Роксана. Я организатор.

– Я знаю, – отвечает она, и её взгляд скользит по моему лицу, по рулетке в руке, по плану на планшете. Взгляд не враждебный, но внимательный, с тем особенным вниманием, с каким женщины иногда рассматривают друг друга на вокзале. – Рафаэль много о вас рассказывал. Он говорил, что вы сильный профессионал.

– Мне приятно, что он помнит, – отвечаю я.

Она тоже что-то понимает, я вижу это по тому, как она вдруг проводит пальцем по мочке уха. Нет, она не может понимать. Это совпадение. Бирюза в Кисловодске продаётся на каждом углу: на рынке, в лавках на Курортном бульваре, в каждой сувенирной будке у Колоннады. Серьги-кольца вообще никому не принадлежат, у половины женщин моего возраста в шкатулке найдётся парочка.

– Вы так смотрите на мои серьги, – говорит Гаянэ и чуть улыбается уголками губ, – будто они у вас что-то украли.

– Простите, ради бога. – Я заставляю себя рассмеяться. – Профессиональная привычка: я рассматриваю украшения на всех, чтобы потом подобрать цветы в тон. Бирюза очень красивая, но к ней нужны жёлтые акценты, а у нас концепция «Белый сад».

– Белый сад, – задумчиво повторяет Рафаэль и как-то слишком быстро берёт Гаянэ за локоть. – Гая, пойдём, посмотрим навес, ты же хотела.

Они отходят, и я смотрю им вслед: он говорит ей что-то негромко, она слегка склоняет голову, и мне кажется, что в этом наклоне есть что-то очень домашнее. Нет. Я заставляю себя отвернуться и принимаюсь снова мерить балюстраду, хотя мерить там уже нечего.

– Шефиня, – тихо спрашивает Рубен, – вы чего побледнели?

– Жара, – вру я. – Давай дальше, у нас ещё три позиции.

Серьга с бирюзой не выходит у меня из головы весь остаток утра. Я мерю, записываю, отвечаю на звонки, а перед глазами лежит крошечное золотое кольцо на моей ладони и камень цвета летнего неба. Совпадение, говорю я себе. Просто совпадение. Ануш всегда говорит, что я вижу сюжет там, где у людей просто украшения.

***

Сати вытаскивает меня на прогулку до Колоннады, пока Рафаэль со своими людьми возится с проводами. Она говорит, что ей нужно подышать, и что она вообще не умеет сидеть на месте дольше сорока минут. Мы идём по аллее, где под липами лежит пятнистая тень, и мимо нас проходят пенсионеры в панамах с пластиковыми кружками минеральной воды. Колоннада в это время почти пуста: белые столбы, лёгкая арка, на скамейке дремлет кот.

– Ты видела, как он умеет говорить? – Сати идёт вприпрыжку, размахивая руками. – Ой, то есть вы. Простите. Когда он вёл папин юбилей, я стояла у стены с бокалом и думала: господи, да он же гипнотизёр. Триста человек, а он каждому лично что-то сказал, понимаете?

Каждому! Маме про платок, папе про трость, бабушке, которая вообще никого не любит, про то, что она «строгая, как министр». И бабушка засмеялась. Бабушка! Я двадцать четыре года не видела, чтобы она смеялась на людях.

– Значит, талант, – произношу я и замечаю, что слово «талант» прозвучало почти без яда.

– Правда ведь? Он потом подошёл ко мне и сказал: «Девушка, вы единственная в зале, кто на меня не смотрит». А я не смотрела, потому что у меня каблук застрял в ковре, – Сати снова хохочет и вытирает глаз ладонью. – Он вытащил мне каблук. При всех. Встал на одно колено, вытащил, и все решили, что это была шутка по сценарию. Вот так всё и началось.

Я слушаю её и замечаю странное: мне не хочется её перебивать. Она рассказывает о нём с такой простой теплотой, какую я, наверное, давно забыла, и в её голосе нет ни тени расчёта. Она лепит керамику, у неё под ногтями глина, она смеётся на весь парк. Она ни в чём не виновата, и мне становится неловко, будто я зашла в чужую комнату без стука.

Ох, Роксана, думаю я. Только не это. Только не жалеть её.

– А вы, – вдруг спрашивает Сати и поворачивается ко мне, щурясь от солнца, – вы замужем? Простите, я лезу не в своё дело. Просто вы так хорошо понимаете, как это всё должно быть, что мне кажется, вы сами через это проходили.

Колоннада перед нами пахнет нагретым камнем, где-то в глубине парка звенит велосипедный звонок.

– Нет, – отвечаю я. – Я занята чужими праздниками. Свои не хватает времени организовать.

– Жаль, – искренне говорит она. – Вы бы очень красиво выглядели в белом.

Я смеюсь и отвечаю, что в белом я бываю только на работе. Сати протягивает мне свою кружку, там остатки остывшего кофе, и я почему-то делаю глоток.

В кармане у неё звонит телефон, и по тому, как она закатывает глаза, я догадываюсь, кто это.

– Да, Азамат, – говорит она в трубку, отходя на два шага. – Да, мы в парке. Нет, я не без шапки, там тридцать градусов. Нет, Рафаэль не на террасе, он с аппаратурой. Ой, ну перестань! Я ем, я сплю, я пью воду, ты вообще не доверяешь мне ни капельки? – Она слушает, потом делает мне большие глаза и шепчет: – Это мой брат. Он каждый день проверяет, жива ли я. – В трубку она добавляет мягче: – Ладно, хорошо. Вечером заеду к тебе в кабинет, обещаю. Целую, зануда.

Она прячет телефон и вздыхает так, как вздыхают те, у кого есть кто-то, о ком можно ворчать. У меня такого человека не было с тех пор, как умер отец, а мама далеко. Я зачем-то завидую ей, хотя завидовать этой девочке мне положено меньше всего на свете.

***

Ночью я сижу на кухне при свете одной лампы и не могу заставить себя лечь. Сначала я рисовала схему рассадки, потом пересматривала меню, потом пересчитывала предоплату, а теперь тупо смотрю в ноутбук на открытый сайт службы судебных приставов.

Это, конечно, глупо. Я ведь знаю, что нельзя искать про человека в базах только потому, что у тебя от какой-то серьги заныла шея. Но я также знаю, что у каждого организатора есть привычка проверять заказчиков, потому что слишком много свадеб сорвалось из-за долгов жениха. Это просто профессиональная осторожность. Я вбиваю в строку: «Ахвердов Рафаэль Карапетович». Дату рождения: девятое февраля тысяча девятьсот девяносто третьего. Нажимаю «найти» и секунду не дышу.

Страница загружается медленно, будто нарочно. Потом появляется таблица. Одиннадцать строчек. Микрозаймы, две кредитные карты, штрафы ГИБДД, ещё какие-то организации с названиями, похожими на детские сказки. Я прокручиваю вниз, туда, где подведён итог, и перечитываю цифру три раза, потому что в первые два не верю.

Я проверяю, тот ли это Ахвердов: отчество, год рождения, город. Тот. Других Рафаэлей Карапетовичей девяносто третьего года рождения здесь нет, он сам когда-то шутил, что такое имя дают одному человеку на район. Раздел «Предмет исполнения» читается как опись чужой жизни: займы до зарплаты, долг по карте, штраф за превышение скорости на трассе, ещё штраф, ещё. Две трети записей появились за последний год.

Два миллиона триста сорок тысяч рублей.

Он ехал ко мне на «Мерседесе» в кредите. Он вёл юбилей Ацамаза Тамаева в костюме, который стоит как моя месячная аренда. Он приходил в агентство и закидывал ногу на ногу с видом хозяина жизни, а у самого висело одиннадцать производств.

Я хватаю телефон и набираю Ануш. Она отвечает на пятом гудке, сонным, хриплым голосом.

– Рокс? Ты знаешь, сколько времени? Полвторого ночи!

– Ануш, – говорю я. – Слушай меня внимательно. У Рафаэля одиннадцать исполнительных производств. Два миллиона триста сорок тысяч.

На том конце наступает такая тишина, что я слышу, как у неё в квартире мурлычет кот.

– Ох, – наконец выдыхает она. – Ох, ничего себе. Подожди, я включу свет. Рокс, это же… это же много.

– Это очень много. Это больше, чем он когда-либо брал у меня. И это только то, о чём знает государство.

– А Сати? Ацамаз? Они знают?

– Не думаю. – Я смотрю на таблицу, на цифры, на серую линию внизу. Слёз нет, нет даже злости, только странная ясность, как бывает в операционной, когда врач наконец видит, откуда идёт кровь. – Он делает предложение девушке, у которой отец владеет тремя санаториями. Он метит на тёплое место в отцовской сети, и я уверена, что оклад там не маленький. Он закрывает долги чужими деньгами, Ануш. Опять.

– Рокс, ты не знаешь этого наверняка.

– Нет, не знаю. – Я закрываю ноутбук, и на кухне становится темно, только лампа горит жёлтым пятном на столе. – Но кто бы ещё стал врать про серьги?

– Какие серьги?

– Потом расскажу.

Я кладу трубку, встаю, подхожу к окну. На липах лежит лунный свет, а на улице пусто, лишь где-то далеко проезжает одинокая машина.

Два миллиона триста сорок тысяч. Рафаэлю нужна не Сати. Ему нужен её отец.

Глава 4. Я не верю в совпадения

В понедельник утром на моём рабочем столе лежит распечатка статьи, а мой кофе пьёт Азамат Тамаев.

Я останавливаюсь на пороге веранды с ключами в руке и сумкой на плече, потому что сначала не понимаю, почему в агентстве пахнет кофе, который я ещё не варила. Потом вижу его: он сидит в моём кресле у окна, высокий, в тёмном пиджаке, и держит мою любимую чашку с отбитой ручкой так, словно это фарфор из императорского сервиза. Ануш стоит у кофемашины с лицом человека, которого вызвали на ковёр, и, судя по тому, как она быстро жуёт леденец, она впустила его, когда он сказал, что придёт «на минуту».

– Доброе утро, Роксана Альбертовна, – произносит Азамат и ставит чашку на блюдце без малейшего звука. – Простите, что без звонка. Ваша коллега сказала, что вы подъедете к девяти, а мне хотелось застать вас до начала рабочего дня. Кофе, к слову, превосходный.

– Это мой кофе, – говорю я.

– Тогда я благодарен вам вдвойне.

На столе, поверх моих образцов скатертей, лежит лист, и я узнаю шрифт ещё до того, как успеваю прочесть заголовок. «Ведущий Рафаэль Ахвердов и его невеста». Дата: июль две тысячи двадцать четвёртого. Фото: мы вдвоём на набережной в Пятигорске, я в зелёном платье, он обнимает меня за плечи, на лице у меня выражение счастливой дурочки, которую я с тех пор запретила себе вспоминать.

– Пятигорский портал, – уточняет Азамат, не меняя интонации. – Мне прислал знакомый журналист. Я не искал специально, Роксана Альбертовна: после нашей встречи в четверг меня не оставило ощущение, что за вашим согласием стоит что-то, о чём вы не сказали. Я поручил проверить, чем вы занимались раньше, и получил вот это. Ануш, спасибо за кофе, вы можете нас оставить.

– Ануш остаётся, – говорю я, ставя сумку на пол. – Это её агентство тоже.

– Рокс, я лучше пойду, – шепчет Ануш и выходит так быстро, что даже не забирает леденцы со стола.

Мы остаёмся вдвоём. Он сидит, я стою, и это, пожалуй, единственное, что в этом разговоре даёт мне небольшое преимущество.

– Я спрошу прямо, – говорит он и переплетает пальцы. – Вы были невестой Рафаэля. Свадьба должна была состояться в конце августа два года назад, а за неделю до неё он, как мне удалось выяснить, «внезапно уехал по семейным обстоятельствам». Вы два года молчали, а потом согласились организовывать его новую свадьбу. Зачем, Роксана Альбертовна?

– Затем, что мне нужны деньги, – отвечаю я, и каждое слово падает на стол, как монетка. – И репутация. Вы видели мои расценки, вы видели мой договор. Вы сами в четверг сказали, что пять недель на такую свадьбу без причины не берут. Вот вам причина: заказ на двенадцать миллионов бюджета, который показывает всему региону, что «Белая веранда» способна сделать невозможное. А что касается Рафаэля, это мой личный вопрос.

– Нет, – произносит Азамат, и я вижу, как его пальцы чуть сжимаются. – Это перестало быть вашим личным вопросом, когда он стал вопросом моей сестры.

– Ваша сестра…

– Моя сестра через пять недель выходит замуж за человека, который два года назад бросил женщину накануне свадьбы. Эту женщину сегодня я обнаружил в своём списке подрядчиков. Вы сказали мне полуправду. Я предпочёл бы услышать целую, но, видимо, вы считаете иначе.

Ох, как же я его ненавижу в эту секунду. За ровный голос, за то, что он ни разу не повысил его, за то, что говорит всё это, пока пьёт мой кофе из моей чашки. Всё, что я копила два года,

поднимается из груди горячей волной, и я слышу собственный крик, прежде чем успеваю его остановить.

– Полуправду?! Да, я вам не рассказала! А почему я должна была вам рассказывать? Вы бы взяли меня, если бы знали? Вы бы подписали договор с женщиной, которой он разбил жизнь? Нет! Вы бы нашли другую, а другая сделала бы всё хуже, потому что у «других» нет моего опыта и нет моих связей! – Я бросаю рулетку на стол, она отскакивает, падает на пол и катится к его ботинку. – Я не скрывала. Я просто не считала нужным устраивать вам исповедь!

– Роксана Альбертовна, – ровно говорит Азамат, не двигаясь с кресла, – вы кричите, и это, по-видимому, ваше право. Но я не собираюсь отвечать вам тем же, потому что мне нужны факты, а не громкость.

– Вот и получайте факты! – Голос у меня срывается, и я зло смахиваю со щеки что-то горячее. – Я не мщу. Я хочу сделать свою работу. А если вы считаете меня мстительницей, увольняйте, пожалуйста, прямо сейчас, и я с радостью верну вам предоплату!

Он молчит. Это самая тяжёлая тишина, какую я слышала за последние годы, потому что в ней нет ни гнева, ни упрёка, только внимательное, холодное, почти научное любопытство. Он поднимает рулетку, аккуратно сматывает ленту, кладёт на стол.

– Я не буду вас увольнять, – говорит он наконец. – Сати вчера вечером сказала мне, что вы единственный человек, который за неделю спросил, что она сама хочет, а не что хочет бабушка. Она упросила меня оставить вас. Кроме того, заменить организатора за пять недель до свадьбы невозможно: я обзвонил четверых, и все занятые. Я не доверяю вам, Роксана Альбертовна, но мне нужна свадьба, которая состоится.

– То есть я остаюсь?

– Вы остаётесь на условиях. – Он достаёт из внутреннего кармана перьевую ручку и тетрадный листок, и я невольно замечаю, что почерк у него мелкий, чёткий, без наклона. – Первое: все платежи подрядчикам идут через моего бухгалтера. Вы согласовываете смету, он оплачивает. Второе: на каждой вашей встрече с подрядчиками присутствует Таймураз Ахполатович, начальник нашей охраны. Он ничего не скажет и ничему не помешает. Третье: по пятницам вы присылаете мне письменный отчёт о том, что сделано, что в работе и какие вопросы остались.

– Вы мне не доверяете настолько, что приставляете охранника?

– Я не приставляю охранника, а делаю так, чтобы мне не пришлось доверять на слово. Это разные вещи, хотя понимаю, что со стороны выглядит одинаково. – Он закрывает ручку колпачком, и в этом щелчке есть что-то окончательное. – Вы вправе отказаться, и тогда мы расторгнем договор без неустойки. Но, мне кажется, вы не откажетесь.

– Не откажусь, – говорю я сквозь зубы.

– Вот и прекрасно. Я не верю в совпадения, Роксана Альбертовна, но я верю в профессионалов, и пока вы ведёте себя как профессионал, я буду вести себя как заказчик.

Я стою, он сидит, и я вдруг понимаю, что мне нужно спросить главное, даже если ответ меня убьёт.

– Вы сказали Сати?

Азамат поднимает на меня глаза, и впервые за утро в них мелькает что-то, что я не могу прочесть.

– Нет, не сказал.

– Почему?

– Потому что это не моя тайна. – Он встаёт, поправляет манжет, и седая прядь у виска ложится под свет окна серебром. – Если Рафаэль хочет, чтобы его невеста знала об этом, он скажет ей сам. Если не хочет, то это тоже информация, и я с удовольствием её использую. Мне нравится смотреть, что человек делает, когда у него есть выбор.

– Вы жестокий человек, Азамат Ацамазович.

– Я осторожный, Роксана Альбертовна. Жестокость означает, что человек старается сделать больно. А я стараюсь, чтобы моей сестре не было больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.